

Татьяна ПЕТУХОВА

РЮКЗАК

Мишка проснулся рано: после вчерашнего разговора с бабушкой болела голова, как будто накануне хорошо посидел с друзьями. А опрокинул-то всего три рюмашки: за приезд, за встречу и за помин дедовой души. Царствие ему небесное, матершиннику! Больше бабушка не дала, убрала в буфет. Села напротив, подперла ладошкой морщинистую, прокопченную деревенским солнцем и воздухом щеку и начала:

— Ты почто путем-то не живешь? Почто тебя, как окуроч по дороге, по жизни тащит? Для этого ли мы тебя холили да лелеяли? Почто семью бросил? Правнучка-то теперь не увижу, — завсхлипывала она, утирая концами аккуратно повязанного белого платочка глаза.

Мишка больше всего боялся бабушкиных причитаний. Бабушку Наташу он любил, с самого детства помнил ее больше, чем мать, занятую устройством своей личной жизни с очередным мужем. «Наконец я нашла настоящую семью!» — объявляла родительница, перекрашивала волосы в новый цвет и исчезала обаёвывать новых родственников. Хуже всего было то, что по сценарию непутевой мамы через две-три недели должен был наступить Мишкин звездный час: подготовленная страшилками о прошлой несчастной жизни с мужем-тираном, размякшая от жалости к бедной жертве, новоиспеченная родня уже заранее любила рыжего Мишку и жаждала встречи с целью приголубить и обогреть. Мать приезжала к родителям и под матюги деда Володи и причитания бабушки забирала Мишку для показа будущим родственникам. Ребенок нравился всем. Рыжий, смысленный, добрый и ненадоедливый малыш признавался дядьками и тетками будущего супруга обстоятельством, не мешающим молодым сочетаться законным браком. После этого Мишку возвращали бабушке, и она по-прежнему лечила его от всяких детских хворей, мазала зеленкой вечно разбитые коленки, а когда настала пора идти в школу, купила красивый модный рюкзак с блестящими карманами. Этот-то рюкзак и запомнил Мишка больше всего. Мало того, что был он предметом гордости неизбалованного мальчишки, еще и служил он Мишке аж до 5 класса, как оставшийся на сверхсрочную солдат. Когда стерлись от мальчишеских потасовок блестящие карманы, кое-где пообтрепалась и оборвалась подкладка, бабушка, всегда бережно относившаяся

к вещам, дала рюкзаку «вторую» жизнь: сложила туда любимые Мишкины машинки, мягкого медведя, подарок отца, пестрый звонкий барабан, обожаемый Мишкой и ненавистный любившему тишину деду.

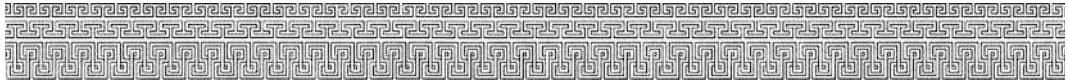
— Пусть лежат до срока, — сказала она, — авось еще кому играть придется.

Так и не понял Мишка, кого имела в виду бабка: то ли надеялась на скорое замужество дочери и дальнейшее продолжение рода, то ли очень далеко загадывала, думая о правнуках, а может, просто не выбросила по крестьянской своей бережливости. Так или иначе, рюкзак пылился на чердаке деревенского дома и нет-нет, да и попадался Мишке на глаза. Тогда повзрослевший Мишка с трудом раскрывал заедавшую кое-где молнию и вдыхал запах детства пополам с чердачной пылью. То ли от пыли, то ли от воспоминаний щипало глаза, и Мишка слышал смех отца, с которым они устраивали игрушечные автомобильные гонки, ворчание деда сквозь звонкий барабанный бой, смех матери.

«Э-эх, не разведись тогда мать с отцом, была бы жизнь совсем другая, — думал Мишка, мечтая о рыбалке, ночевках у костра и новом велосипеде. Новые кавалеры матери поначалу дарили Мишке подарки и даже обещали рыбалку и походы, но быстро теряли к мальчишке интерес, а потом пропадали и из жизни матери. Наступал период «Мама, он меня бросил!». Как будто в доме тяжелобольной, все разговаривали шепотом, ходили на цыпочках, Мишке запрещалось приводить в гости друзей, а отцу, хоть редко, но звонившему по телефону — узнать, как у сына дела, отвечали, что Мишка во дворе. Отец, чувявший неладное, звонил чаще, тогда трубку брал дед, крыл матом отцову родню до седьмого колена, и звонки прекращались. Через неделю-другую мать «выздоровливала», еще через неделю перекрашивала волосы, а через месяц увлекалась новым кандидатом в мужья, и все повторялось сначала. Вот поэтому главным человеком в Мишкиной жизни была бабка. Она успевала все: и обед приготовить, и с дедом переругнуться, и дочь свою непутевую пожалеть, и Мишку уму-разуму поучить. А летом они оставляли городскую квартиру в полное распоряжение игравшей в счастливую семью матери и уезжали в деревню к старшей бабкиной сестре, одинокой тетке Серафиме. Бабка, занятая огородными заботами, предоставляла Мишке полную свободу, и он вволю носился с деревенскими мальчишками по полям и весям. Так проходило почти беззаботное Мишкино детство.

После девятого класса, по требованию бабки Наташи, резко повзрослевшего и начавшего покуривать Мишку отдали в мореходку. Мать, настаивавшая на 11-летке и поступлении в ВУЗ («Не хуже отца, чай!»), тогда сильно с бабкой по-

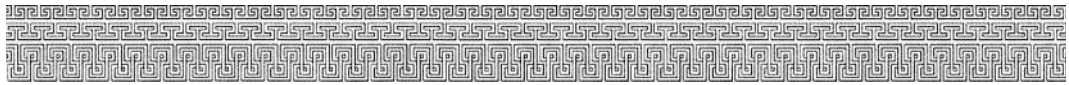
ругалась и ушла на житье к новому мужу. Дед Володя в очередной раз лежал в больнице и в спорах участия не принимал, поэтому Мишкина судьба решилась быстро. В училище Мишка поступил легко, и потянулось время нелегкой морской науки. Не то чтобы он бредил морем, мечтал бороздить океаны, как многие однокурсники. Одно время, затосковав по дому, даже хотел дать деру, но рассудил, что дело это не хуже любого другого, и остался. Из дому получал письма, звонил по новенькому, недавно приобретенному мобильному телефону, знал, что дед все болеет, бабка вертится, а мать пытается устроить свою судьбу.

Когда умер дед Володя, Мишка был в плавании и узнал печальную новость только по прибытии в порт. Ехать и утешать бабушку с матерью было уже поздно, да они и недолго горевали: много крови им попортил дед, с молодости славившийся дурным нравом и запоями. Да тут еще наметился роман с хорошенькой буфетчицей Люськой — короче, не до поездок было. Конфетно-букетный период романа быстро перерос в более близкие отношения. Люська, давно стрелявшая глазами с жирно покрашенными тушью ресницами на молоденьких морячков, через положенный срок с надеждой во взгляде объявила Мишке, что беременна. Он надежды Люськи оправдал и женился. Свадьбу сыграли небольшую, со стороны жениха были только его друзья. Мать прислала переводом тысячу, отец не поскупился на пять. Вскоре родился Иннокентий — так Люська захотела назвать сына.

«Кешка... Имя какое-то, как у волнистого попугайчика», — поворчал немного Мишка. Но потом махнул рукой: «Называй, как хочешь».

Зажили, как все. Купили стенку, новенький телевизор со стереосистемой, сумели скопить на старенькую, выдавшую виды иномарку. Кешка рос болезненным, хилым ребенком. Люська часто брала больничный, пытаясь вылечить очередное ОРЗ, часто раздражалась, покрикивала на Мишку, который, по ее мнению, «жизнь ее загубил» и «вообще никуда, как мужик, не годен». Мишка не спешил вечерами домой (с рождением сына он стал работать в порту), заходил с друзьями в кафе, чтобы расслабиться, и, наверное, в конце концов, спился бы окончательно от безрадостной этой жизни, если бы однажды не попалась ему в руки одна книжонка.

Читать вообще Мишка любил. Помнил, как отец в детстве всегда перед сном читал ему книжки, смешно подражая голосам разных героев, в школе не особенно усердствовал, но на уроках литературы учительница иногда задавала такие вопросы, на которые хотел, но не мог ответить и поэтому лез в

книгу за ответом. Потом страсть к чтению поутихла — захватили житейские проблемы, а тут... Новенькая, пахшая типографской краской, книжка лежала, забытая каким-то растеряхой, на скамейке в городском парке. Мишка невольно стал листать гладкие, прохладные страницы. Кто-то, недавно читавший книгу, даже закладку оставил на семнадцатой странице. Эту страницу и открыл Мишка. Глаза невольно уткнулись в текст. Очнулся, когда буквы стали неразличимы в разлившейся вокруг темноте. Все там было про него. И про безрадостную никчемную жизнь, и про бесцельное существование, и про нелюбимую работу. Только вот рецепта, как начать жить по-другому, автор не написал, сказано только было, что у каждого — свой путь, и пройти его человек должен сам. Крепко тогда задумался Мишка, даже дома с Люськой ругаться не стал, только с этой поры сделался задумчив и мрачен. Не выходил из головы вопрос о смысле его, Мишкиной, жизни.

— Ты не заболел часом? — спрашивала заметившая необычную задумчивость супруга Люська. — Может, отдохнешь? Вон, в отпуске несколько лет не был, — не на шутку обеспокоилась она.

— Может, и отдохну, — удивляясь сам себе, ответил Мишка. — К бабке поеду, — вдруг неожиданно решил он.

Сборы были недолгими.

Съездил тогда Мишка к бабке, а лучше бы и не ездил: поругался с матерью, обматерил всех и свою непутевую жизнь, да и кинулся на вокзал, собрав в рюкзак нехитрые пожитки. Даже подарки, переданные женой, не успел отдать. Только потом, трясясь на верхней полке по пути домой, понял, что домой-то ехать ему не хочется, так что хоть в петлю лезь!

«Э-эх, где наша не пропадала!» - подумал Мишка и сошел на первой попавшейся станции.

Люське отстучал телеграмму, что так-то и так, мол, живите, как хотите, а я вам больше не муж и не отец. Сожалений особых не было — решил Мишка новую жизнь начать.

Перво-наперво устроился грузчиком в продуктовый магазин, жил там же, в подсобке, потом, когда пришли документы с прежнего места работы и полное уверений в любви и верности письмо Люськи, перебрался на квартиру, нашел работу на заводе. И опять потянулись обычные будни. Завод, дом, завод, пиво по выходным да завлекательно поглядывающая на молодого одинокого жильца хозяйка квартиры. Наверное, опять попался бы Мишка на

женские уловки, если бы друг Колян, которому тоже до смерти надоело корячиться на заводе, не предложил поехать на стройку.

Годы, проведенные на стройке, Мишка вспоминает с гордостью. Там и грамоты получал, и само начальство руку жало, хотя Мишка был всего-то ничего — экскаваторщиком. Зато каким! Экскаватор слушался его, как дрессированный зверь. Песня, а не работа! Тогда Мишка невольно вспоминал деда Володю и его рассказы о работе экскаваторщика.

«Да-а, — размышлял он в редкие часы отдыха, — жизнь налаживается! Вот это я понимаю, жизнь!»

Мишка уже думал, что поймал Удачу за хвост, и что наконец-то нашел тот свой путь, про который сказано в книжке. Он уже хотел помириться с Люськой, которая слала, хоть и нечасто, но постоянно, слезливые письма, звонила, думал перевезти ее с сыном к себе и зажить счастливой «ячейкой общества», как говорил их бригадир, но... Очередной звонок жены нарушил все радужные планы. Люська ледяным голосом сообщила в трубку, что она, наконец, нашла свое счастье, от Мишки требует развода, потому как он, непутевый, ни ей, ни ребенку не нужен. У ребенка будет теперь новый отец, который очень любит их мальчика и, конечно, сделает из него человека. Если Мишка будет присылать деньги на содержание сына (Люська благородно не настаивала на этом), то, значит, Мишка еще не совсем законченный подлец. Даже не то, что рушились Мишкины планы снова зажить семьей, не Люськин непривычный чужой голос с незнакомыми интонациями — не это потрясло Мишку. В состоянии столбняка он впал от того, что узнал в этих словах уже почти бывшей жены слова и интонации своей собственной матери. В какую-то секунду перед его глазами пронеслось его беспутное, если бы не бабушка, детство: мать, гоняющаяся за своим женским счастьем, бессильный что-либо изменить отец, матершинник дед, а еще почему-то вспомнился Мишке его рюкзак с игрушками, и от этой картинки навернулись ему слезы на глаза и больно защемило сердце. Наверное, поэтому не сообразил он, что, прижимая телефон к уху, стоит прямо на проезжей части улицы, а мимо, сигналив, пытаюсь избежать наезда, пролетают машины. Когда опомнился, было поздно. Какой-то лихач, не заметивший замершего посреди дороги человека, не сумел избежать столкновения, и Мишка оказался под колесами автомобиля.

«Вот и все, — подумал Мишка, которому почему-то стало обидно от того, что не успел повидать ни бабушку, ни мать, ни отца, ни Люську с Кешкой. — Все,

кончена жизнь, поздно мне та книга в руки попала». Он хотел вспомнить еще что-то важное, но потерял сознание.

Дальше Мишка не помнил ничего: ни людей, сбежавшихся к месту аварии, ни «скорой», ни больницы. Все последующие месяцы слились для него в одни длинные серые сумерки: операции, визиты следователей, знакомых, потом, после выписки, суды, врачи, снова больница... Мечтал только об одном: выйти на работу, сесть за рычаги своего дрессированного зверя и забыть обо всем. Но оказалось, что работать, по крайней мере, на экскаваторе, ему как раз и нельзя: сломанная нога срослась неправильно, и сколько ни суетились вокруг Мишки врачи, пришлось им вынести ему приговор: инвалидность третьей группы с ограниченной трудоспособностью. Для Мишки наступили черные дни. Он не обижался на Люську, которая за это время успела с ним развестись и ни разу не справилась о его здоровье, — он тосковал по работе, ему казалось, что сядь он сейчас за рычаги своего зверя, все бы у него наладилось. Мишка запил. Пенсии, которую выдавали по инвалидности, едва хватало на две недели, надо было искать работу, но душа не лежала ни к чему. Друзья с работы, сначала жалевшие Мишку и помогавшие ему, чем могли, понемногу заходить перестали. В самом деле, кому понравится слушать пьяные откровения еще недавно нормального мужика про его загубленную жизнь. А Мишка в редкие мгновения между запоями все чаще вспоминал бабу, деревенский дом и старый рюкзак с игрушками и запахом детства и покоя.

«Все, — однажды решил он, — пора завязывать, пора бабу повидать, а там, глядишь, и пойму, что делать, как дальше жить».

Взял выдавший виды чемодан, подхватил палочку, без нее на неправильно сросшуюся ногу было больно наступать, и поехал к бабу.

Вот вчера за столом, размякший от бабукиного угощения и внимания вперемежку со злыми пьяными слезами, Мишка и вывалил все свои обиды на мать, отца, деда, злодейку судьбу.

— Что вы сделали? — кричал он. — Это вы с дедом отца с матерью развели! Вам поиграть с внучком хотелось, позабавляться, ошибочки поисправить, которые в воспитании дочери допустили! Работу над ошибками сделать! А я? Я?! Я не игрушка вам! Выросла игрушка! Ты думаешь, я не помню, как вы меня отцу не давали, все нашептывали, что ничему хорошему не научит. А вы? Вы! Вы чему научили? Врать? Деньги у него попрошайничать?! Ты меня попрекнула, что сына бросил? А кто меня научил сына воспитывать? Отец?!

Да я его только по большим праздникам видел, когда не надо было к очередному мамашкиному хахалю ехать! — все больше распаялся он, нависая над худенькой молчащей бабкой.

— Ты думала, купила мальчику рюкзачок, и дело с концом, будь благодарен, Мишка, на всю оставшуюся жизнь? — неожиданно для самого себя проорал сжавшейся в комок и оттого ставшей жалкой бабке Мишка.

«Что это я? При чем тут рюкзак?» — запоздало подумал он, но тут волна воспоминаний о доме, о бабкиных пирогах, детских забавах с отцом нахлынула на него, и Мишка, чтобы не разреветься в голос, саданул дверью так, что задребезжали стекла в оконных рамах, прохромал в комнату, упал на протяжно, знакомо скрипнувшую под ним старую кровать и уткнулся в подушку. Обида давила грудь, не давала дышать.

«Пусть теперь подумает, пусть помучается! — злорадно думал Мишка. — А то «почто не живешь, почто, как окуроч», — мысленно передразнил он бабку.

Теперь, утром, когда немного поутихла обида, когда прошел не дававший дышать вчерашний комок в горле, Мишка чувствовал себя виноватым перед ней.

«В самом деле, что это я на нее напал, разорался, рюкзак вспомнил? Ведь бабка-то, наоборот, всегда как лучше старалась. Э-эх, если бы не она, то я вообще, может, уже помер бы, — подумал Мишка с запоздалым раскаянием.

«Надо встать, пойти ей в огороде помочь, она отходчивая, небось, уж и простила», — еле оторвав от подушки моментально среагировавшую пульсирующей болью голову, решил он.

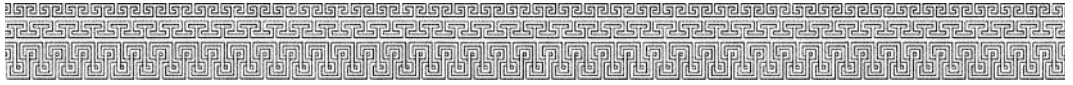
Натянув джинсы, футболку, плеснув в лицо воды из умывальника, Мишка, кряхтя от непрекращающейся головной боли, вышел на крыльцо.

Светило солнце. День был, не пример Мишкиному настроению, радостный, звонкий. Ночью прошел небольшой дождь, не успевшие высохнуть капли висели рассыпанными бусинами на кустах сирени, перышках лука, огуречной ботве. От дорожек, напитавшихся влагой, как от кружки с горячим чаем, подымался душистый травяной запах. Голосил соседский петух, где-то далеко, на станции, дребезжала утренняя электричка, легкий ветерок гнал по небу закорючки облаков.

«Э-эх, хорошо!» — расправил плечи Мишка. Молот в голове как будто стал звучать тише, дышать стало легче.

«Что-то бабки не видно. Здорово я вчера ее обидел, даже завтракать не звала. Надо извиниться», — теперь уже твердо решил Мишка, спускаясь по ступенькам крыльца.

Бабка сидела на траве, у последней ступеньки.

— Бабуль Натуль! — как в детстве, позвал он.

Бабка молчала.

«Что это она, до сих пор в ночнушке ходит, в ней же и на землю уселась, простудится», — подумал Мишка, а страх уже холодом заползал в сердце.

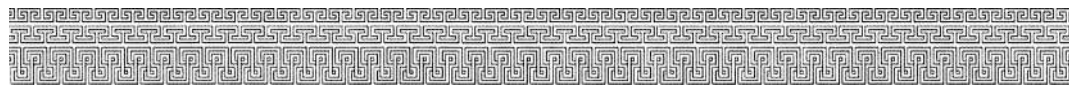
Бабка сидела, устремив ничего не видящие глаза к небу, по дряблой морщинистой щеке ее катилась то ли капля дождя, то ли слеза, на губах застыла так хорошо знакомая Мишке улыбка, а на коленях лежал раскрытый рюкзак с Мишкиными игрушками.

МИШКА

Мишку разбудил солнечный луч, пробивавшийся через неплотно задернутую портьеру. Дома было тихо. «Все на работе», — догадался он. Привычно стал думать о том, что велела сделать мама Наташа. «Помыть пол — это раз. Мама вечером и 50 рублей дала. Вынести мусор — это два». Мусор Мишка выносил бесплатно, просто это входило в его многочисленные неоплачиваемые обязанности по дому. «Помыть грязную посуду, если торопились и ушли, не помыв, — это три, — лежа в кровати, размышлял он, — и самое приятное — сбегать в магазин и купить новые фломастеры и раскраски. Наверное, удастся еще купить немного любимых конфет «Лёвушка», ведь Таня-Москва, мамина подруга из Москвы, подарила Мишке целых 500 рублей, отчего мама Наташа сделала страшные глаза и сказала: «Ты мне его совсем избалуешь, сама ведь знаешь, с такими детьми надо строго».

Мишка — даунёнок. Ему повезло, что родители не отказались от него в младенчестве, когда врачи, объявив диагноз, предложили оставить больного ребенка в роддоме и оформить документы, мол, никто такое решение не осудит. Наталья проявила твердость. Ребенка забрала, потом родила еще одного, уже здорового, сохранила мужа и семью (а скольким женщинам приходилось в такой ситуации выбирать между мужем и ребенком!). И теперь вместе с супругом воспитывала Мишку, которому стукнул уже 31 год. Сначала она стеснялась больного ребенка, сторонилась детских площадок и счастливых мамаш с румяными здоровыми карапузами, потом познакомилась с такими же, как она, упрямыми мамашами даунят. Послушав их истории хождения по

мукам при оформлении пенсии на ребенка-инвалида, рассказы об ушедших мужьях и трудном одиноком житье без надежды на будущее женское счастье, решила, что у нее все не так уж плохо, и стала сама, без помощи психологов, врачей и всяких социальных служб, которых не дозовешься, строить жизнь.

Мишка, не подозревая обо всем этом и совершенно не ощущая свою маму Наташу героической женщиной, просто жил. Любил раскраски, покупал в большом количестве фломастеры, потому что они быстро заканчивались или высыхали, а может, Мишке подсовывали некачественный товар. Хотя последнее было маловероятным: Мишку в округе знали. Он всегда здоровался с продавцами, спрашивал их о здоровье, как учила мама. Не все, правда, понимали его чирикающий язык, но те, которые работали давно, уже разбирали его быструю, эмоциональную речь. Старались обслужить такого покупателя быстро и качественно, не обсчитывать и не обвешивать без крайней необходимости. А когда новенький охранник одного из магазинов, испугавшись Мишкиной непохожести на остальных людей и решив с первого дня работы изобразить из себя местного Рембо, двинул Мишке в нос, весь коллектив за своего покупателя вступился и охранника осудил, так что тому ничего не оставалось делать, кроме как уволиться.

Тот день Мишка помнил хорошо. Он, как всегда, пошел за фломастерами: надо было раскрасить зеленым цветом военный джип, а как раз зеленый фломастер, чиркнув несколько раз по книжному листу, закончился. Мишка быстро оделся и побежал в магазин. Радостно улыбаясь, подошел к знакомой продавщице, замахал руками, показывая на полку с ручками и упаковками фломастеров, загудел недовольно, когда продавщица дала не ту упаковку. Вот тут-то и подлетел шкафоподобный охранник.

— Ты что тут разорался, тварь! Вон из магазина, недоумок! — железобетонный кулак уже летел ничего не подозревавшему покупателю в нос.

Очнулся Мишка, когда вокруг него хлопотало сразу столько хорошеньких продавщиц. Позвонили маме Наташе, она примчалась с работы. К этому времени кровь из носа течь перестала, разбитую губу пострадавшему обработали, и он, довольный и раскрасневшийся от суеты вокруг, от необычной всеобщей ласковости, сидел в кабинете заведующей магазином ипил чай с любимыми конфетами «Лёвушка». Мама хотела сразу писать заявление в милицию, но заведующая, испугавшись возможных неприятностей — это был год, объявленный Годом людей с равными возможностями, — убедила ее это-

го не делать и даже подарила Мишке вкусный торт. Мама Наташа посчитала инцидент исчерпанным и удалилась из магазина, ведя за руку счастливого Мишку, ощущавшего себя героем.

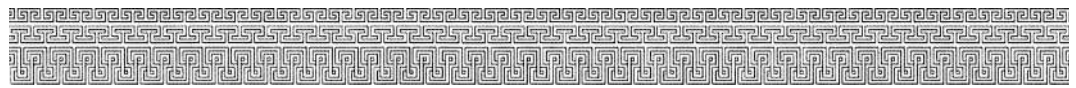
Вообще Мишку держали в строгости. Не позволяли уходить далеко от дома, ругали за пристрастие к жареным пирожкам, которые он покупал и съедал в большом количестве, а потом маялся животом, заставляли работать на даче. Зато Мишка, в отличие от многих своих сверстников-даунят, умел чисто есть, убирать за собой, делать несложную работу по дому, умел даже читать, но особенно любил раскрашивать книжки с картинками машинок.

Это была его страсть! Такими раскрасками была заполнена вся стенка в Мишкиной комнате. Кстати, в комнату свою, где был идеальный порядок, все книжки и фломастеры были уложены на свои места, а раскраски выстроены точно по размеру, Мишка пускал не всякого. Такой чести удостаивались даже не все мамы подружки, да и сама мама иногда не могла зайти к сыну просто так. Были дни, когда он никого не принимал. Лежал на кровати и думал о своем или просто смотрел телевизор, но с гостями, если к родителям приходили друзья, общаться не хотел. Чаще всего это случалось в праздники, когда по телевизору шли одна за другой праздничные программы с красивыми ведущими, пели девушки в откровенных нарядах. Тогда Мишка ощущал какое-то томление, от этого портилось настроение, видеть никого не хотелось, и даже не радовали привычные раскраски. Тогда хотелось накричать на всех, потом расплакаться, возможно, Мишка так бы и делал, но плакать он не умел. А злость быстро проходила, как только, несмотря на Мишкины протесты, вошедшая в комнату мама начинала гладить его по голове и называть солнечным мальчиком.

Сегодня у Мишки настроение было прекрасное! Во-первых, предстояло потратить целых 500 рублей, это ж сколько раскрасок и фломастеров можно купить! Во-вторых, грязной посуды в раковине не оказалось, значит, все же вымыли, успели. Хотя вчера легли поздно, потому что папа Витя готовился к поездке в деревню и отбирал необходимый инструмент для ремонта деревенского дома.

Мишка быстро вынес мусор, умылся, заправил кровать, причесался, надел свою самую красивую красную футболку, взял свернутую четверо пятисотку и, захлопнув дверь, вышел из подъезда.

На улице светило солнце. Мишка любил яркие, как его фломастеры, дни. Именно такие, как этот, не очень жаркие, когда лето не набрало еще свою изнуряющую силу. Тогда он соглашался съездить с родителями в деревню, по-

мочь в нехитрых, но хлопотных огородных работах, а самое приятное — покупаться в неглубокой местной речушке. Мишка умел плавать (спасибо папе Вите, научил), но боялся глубины и преимущественно плескался на мелководье, наблюдая за визжащими от восторга и бодрящего холода не прогретейшей речной воды девчонками.

Мишка вообще считал девчонок существами особенными. Они могли громко визжать, плакать, что не позволялось делать мальчикам, так, по крайней мере, говорил папа Витя. Они могли быть слабыми, а мужчинам полагось быть сильными и помогать им — этому тоже научил папа Витя. Он и сам всегда помогал маме. А как красиво одевались девчонки, когда пели по телевизору! Эти девчонки были предметом Мишкиных мечтаний! Он представлял себя рядом с ними на сцене, танцующим, дарящим им цветы, а потом галантно провожающим за кулисы и целующим тонкие девичьи пальцы. То, что мужчины целуют женщинам руки, и это дамам нравится, Мишка видел в каком-то фильме по телевизору, с тех пор всегда старался поцеловать руку маминым подругам, особенно если те приносили Мишке подарки.

— Какой кавалер у тебя, Наталья, вырос, — смеялись они.

— Да, Мишка у нас такой, — с гордостью отвечала мама Наташа.

После ухода гостей она, правда, иногда плакала, но Мишка ни в коем случае не относил ее слезы к своему поступку. Мало ли, соринка в глаз попала. Подходил, гладил ее по голове, приносил носовой платок, и мама, поцеловав Мишку в коротко стриженую макушку, понемногу успокаивалась.

Мишка быстро добежал по тропинке, идущей от дома через детскую площадку, к магазину. Привычно схватился за прохладную ручку тяжело открывающейся стеклянной двери, уже потянул ее на себя, как вдруг услышал странный звук: «Хук!» Этот звук Мишке не понравился, от него стало холодно в животе. «Х-у-у-к-к! — повторился еще раз тот же звук. — Ах ты, сука, бля, будешь еще деньги мои воровать?!» Мишка, передумав заходить в магазин, решил посмотреть на источник неприятного звука и заглянул за угол дома.

У стены стояла женщина, руки ее безвольно болтались вдоль тела, и сама она была похожа на мягкую тряпичную куклу, однажды Мишка видел такую в песочнице, несчастную, забытую, видимо, кем-то из малышей, разошедшихся по домам. «Х-у-у-к-к», — еще раз раздался тот же звук, который оторвал Мишку от воспоминаний. Нетрезвый мужик, неуклюже согнувшись, ударил женщину кулаком в живот, от чего она, смешно взмахнув руками, на-

чала заваливаться набок. Но волосатая ручища не дала жертве упасть. Схватив ее за ворот цветастого платья, мужик занес другу руку для еще одного удара: «Я тебя научу, Надька, меня слушаться! Отдавай деньги! Трубы горят!»

Мишка не успел подумать о том, что мама Наташа строго-настрого запретила ему вмешиваться во всякие разборки, а ноги уже сами понесли его к не перестававшему материться мужику.

— Атань, атань, — затараторил Мишка, от волнения проглатывая буквы в слове «отстань».

Он попытался схватить волосатую руку, вцепившуюся в воротник, и оторвать ее. В нос ударил стойкий запах перегара. Женщина, вяло вскидывая безвольные руки, старалась отмахнуться и от мужика, и от своего неожиданно-го спасителя.

— Чё ты... чё, — повторяла она, пьяно мотая головой.

— Ты куда лезешь, урод?! Катись на ...! Моя жена, захочу — убью гадину! — стряхивая Мишкины пальцы с руки, вопил мужик.

— Нельзя! Нельзя! — задыхаясь, шептал Мишка, еще сильнее хватаясь за мужика и пытаясь оттащить его от женщины.

Он еще хотел крикнуть мужику, что нельзя обижать женщин, так всегда говорила мама Наташа, а она всегда говорила правильные вещи, но тут сильный удар в грудь отбросил Мишку на асфальт. Он слышал, как что-то в голове хрустнуло, как будто раскололась скорлупа грецкого ореха.

— А-а-а! Скотина-а-а-а! — пронзительно закричал кто-то. — Уб-и-и-л!!!

Мишка приоткрыл почему-то плохо видящие глаза: надо было убедиться, что женщина все-таки цела, успел увидеть, что, оттолкнув мужика, она нетвердой, но быстрой походкой уходит за угол, а мужик, поднимаясь с четверенек, хватается за кирпичную стену дома.

Мишка тоже попытался встать, но вмиг сделавшаяся тяжелой голова не отрывалась от земли.

— Опять мама ругать будет — футболку замарал, — еще успел подумать он, и на тело навалилась страшная усталость.

Мишка успел почувствовать и удивиться, что асфальт под головой стал влажным и теплым, и провалился в глубокую черную яму. И только солнце светило по-прежнему, весело и ярко, да ветер пытался взъерошить слипшиеся от крови волосы и выдуть пятисотку из бессильно разжавшегося Мишкиного кулака.